

рисунок © Зерейского

Читальный зал им. А. Т. Твардовского

Инякина Н. М.
Михаил Небогатов. УРОКИ ТВАРДОВСКОГО
(текст выступления в заочной форме)

*Нина Михайловна Инякина,
ветеран труда, дочь и
исследователь творчества
кузбасского поэта
Михаила Александровича
Небогатова
Россия, г. Кемерово.*

Михаил Небогатов. Памяти А. Т. Твардовского
Уроки Твардовского

Кузбасский поэт-фронтовик Михаил Небогатов (05.10.1921-21.03.1990) известен не только своими лирическими стихами о родном крае и его природе, о любви к женщине, но и о творчестве – своём и своих собратьев по перу, об их жизни и месте в литературе. Читатели могут при желании найти немало очерков, критических статей, рецензий, предисловий к книгам, стихотворных посвящений, незлых пародий, написанных им многим известным его современникам. Одна отличительная интонация небогатовских текстов сразу бросается в глаза: обо всех он писал тепло, сердечно, по-дружески. Чувствуется в этих текстах не только доброта написавшего их человека, но и уважение и любовь к тем, кому эти строки адресованы.

Если попробовать собрать воедино небогатовские «штрихи к портретам» братьев-литераторов и тех, кто стоял близко к литературе (издателей, редакторов), то перечень имён окажется довольно обширным. К счастью, многие из этих очерков, литературоведческих статей и зарисовок можно прочитать и в книгах, и на газетных полосах, и в журнальных рубриках, а теперь ещё и в интернете, на электронной литературной карте Кузбасса областной научной библиотеки имени В. Д. Фёдорова.

Сегодня хотелось бы познакомить читательскую аудиторию с менее знакомой стороной творчества Михаила Небогатова: ему, человеку, пережившему войну, израненному, но сумевшему вернуться к жизни – полноценной, многолетней, творческой, не раз доводилось не только радоваться успехам друзей-товарищей по журналистскому (начинал он с газеты «Кузбасс») и писательскому цеху, видеть их профессиональный рост и крепнущее мастерство, но и провожать своих братьев – ровесников, а то и моложе себя – в последний путь. И тут часто горькая участь – сказать последнее «прости – прощай» – доставалась опять же ему, «старейшему поэту Кузбасса», как называл его однажды первый наш кузбасский книгоиздатель Анатолий Иванович Кыков. Писал Небогатов не только стихотворные строки «памяти», но и некрологи от имени писательского сообщества и общественных организаций.

Вот об одном таком посвящении – памяти Александра Трифоновича Твардовского – и хотелось бы рассказать. Рассказ этот составлен мною на основе дневниковых записей поэта Небогатова и его статьи 1970-х годов «Уроки Твардовского».

Александр Трифонович Твардовский – человек, который занимал особое место в сердце поэта Небогатова. О Твардовском Михаил Александрович говорил так: «Мой любимый современный поэт – Александр Твардовский. Считаю его своим учителем». Известный факт – переписка двух поэтов, а после смерти наставника – с его вдовой, Марией Илларионовной. Переписка не закончилась для Небогатова встречей или публикацией стихов в журнале «Новый мир», редактором которого был Твардовский. А встреча, между тем, могла быть реальной. В стихотворении, посвящённом памяти А. Т. Твардовского, рассказывается, как два молодых сибирских поэта (вместе с Небогатовым был ещё поэт и журналист Алексей Косарь. – **Примечание Н. Инякиной**), встречались с другом Твардовского, Петром Ивановичем Замойским:

Как-то раз, простой и свойский,
Добрый, видно по всему,
Пётр Иванович Замойский
Дал записку нам к нему.
Помню радость, счастье наше,
Той записки лад и склад:
«Дорогой, – в ней было, – Саша!
Посмотри стихи ребят.
Оба парня – из Сибири.
Мне понравились они...
Может, что-то в «Новом мире»
Напечатаешь? Взгляни».
...Голова ходила кругом.
Но недолог юный пыл –
Для кого-то он был другом,
А для нас великим был.
Серебрились солнца блики...
Мы раздумались в пути –
И к тому, кто был великим,
Не осмелились пойти...[1, с. 39]

Михаил Небогатов всю жизнь вёл дневники. И, когда не стало его любимого поэта, учителя, не могли у него не появиться записи по этому горькому поводу. Вот что пишет он 22 декабря 1971 года: «Печальная новость: 18 декабря умер Твардовский. Даже не верится, всего ему 61 год был. Слухи о причинах болезни разные... смерть причину найдёт. Не стало первого поэта России. Очень большая потеря. До слёз жалко. Под официальным некрологом, кроме писателей и деятелей культуры, подписалось всё правительство. Но некролог холодновато-казённый. Это особенно бросается в глаза, если сравнить с тем, что писали недавно об Ал. Прокофьеве: народный поэт, его стихи знают миллионы читателей и пр. А какое сравнение –

Твардовский и Прокофьев. Твардовский со своим одним Тёркиным будет жить всегда, а прокофьевская Ладога – радуга, прямо скажем (в рифму) ненадолго.

Всё-таки сказалась самостоятельность Александра Трифоновича как редактора «Нового мира», сколько ругали и третировали его из-за этой самостоятельной позиции в журнале. Даже Героя Соц. Труда не дали. Только накануне кончины присвоили звание лауреата Государственной премии...» [1, с. 234]

Известно, что после смерти «поэта номер один», как его называл Небогатов, он написал в 1974 году статью «Уроки Твардовского», которая была опубликована сначала, в феврале 1975 года, в областной молодёжной газете «Комсомолец Кузбасса» [2], а в 1976 году – в альманахе «Огни Кузбасса» [3]. В эту статью Небогатов поместил несколько писем от Александра Трифоновича. «Уроки Твардовского» Мария Илларионовна по прочтении одобрила. И в дневнике незамедлительно появилась запись Небогатова (1975 год, 19 марта): «Пришло письмо от Марии Илларионовны. Отзыв её об «Уроках Твардовского» хороший: «Я довольна тем, как Вы справились со своей задачей: письма прокомментированы строго, дельно, без украшательства и самовыпячивания, но с чувством собственного достоинства. Так и должно. Стихи тоже симпатичны. Словом, подборка в «Комсомольце Кузбасса» удалась». [1, с. 43];

В книгу писем Твардовского под названием «Письма о литературе», вышедшую в свет в 1985 году, Мария Илларионовна Твардовская включила четыре письма мужа к Небогатову. Вот дневниковая запись об этом (от 19 февраля 1986 года): «...пока немного полистал эти «Письма о литературе», может, ошибаюсь, но, кажется, я один из тех адресатов Ал. Тр-ча, которому больше, чем ко мне, писем не было (четыре!)». [1, с. 48]

Тут будет уместно сказать: как не имеет смысла говорить о стихах, не читая их, так и об этой статье, которая всесторонне и исчерпывающе раскрывает отношения двух поэтов – большого, «столичного», и поэта из провинции – лучше не говорить, а прочитать её, чтобы получить представление о том, какие же уроки извлёк для себя Михаил Небогатов из общения с классиком советской литературы, как повлияло творчество автора знаменитой «Книги про бойца» на его собственное творчество, чему научился он у своего старшего собрата по перу.

Вместо эпиграфа приведу очень характерное стихотворение А. Твардовского, которое многое объясняет:

К обидам горьким собственной персоны
Не призывать участие добрых душ.
Жить, как живёшь, своей страдой
Бессонной, –
Взялся за гуж – не говори: не дуж.
С тропы своей ни в чём не соступая,
Не отступая – быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,

Чтоб в ней себя нашла судьба любая

И чью-то душу отпустила боль.

1967-1968 [4, с. 442]

Вот эта статья – «УРОКИ ТВАРДОВСКОГО» (текст приводится по публикации в альманахе «Огни Кузбасса»):

«Трудно вспомнить случай, когда бы чей-то путь в литературу был с самого начала, с первых шагов, что называется, услан розами. Такой путь может грезиться только в мечтах, а на практике совсем другое: прежде чем добиться успеха на литературном поприще, сколько же надо преодолеть препятствий, сколько провести бессонных, тревожных ночей в обессиливающих душу сомнениях, разочарованиях... И как важно в подобные дни, недели, месяцы, а то и годы общение с человеком, которого ты ценишь, любишь как большого художника слова и чьё мнение тебе дороже всего.

Любовь к поэзии Твардовского родилась во мне ещё в довоенное время, когда я был школьником – задолго до появления на свет «Василия Тёркина», произведения, которое сегодня мы с полным основанием можем назвать бессмертным. Помню, с каким наслаждением упивался я неповторимым ароматом сельской лирики ещё молодого тогда смоленского поэта, который сразу и на всю жизнь вошёл в мою душу, сроднился с нею так, как будто всё, что было в его стихах, пережил и почувствовал я сам.

В связи с этим вспоминается такой, можно сказать, казусный случай. Где-то в середине сороковых годов послал я Александру Трифоновичу стихотворение, о котором мой кумир отозвался примерно так (первое это письмо ко мне, к великому сожалению, не сохранилось): стихотворение – незаурядное, но уж слишком напоминает «Поездку в Загорье» известного вам автора... Этот ответ вызвал у меня недоумение: какого известного мне автора, чья это «Поездка в Загорье»? Обратился к одному из старших товарищей по «литсреде», которые проводились тогда в редакции газеты «Кузбасс», и этот, очень начитанный и знающий, товарищ объяснил мне: «Поездка в Загорье» – известное стихотворение Твардовского. Я же, к стыду своему, до той поры в глаза не видел этой вещи... Поистине, неисповедимы пути господни – не зная оригинала, написать как бы копию его.

С полной откровенностью признаюсь: когда начал я писать стихи (это было уже после войны), то даже и не подозревал, что многое в них звучит «под Твардовского». Об этом сказали мне читатели, рецензенты, а позднее – и сам Александр Трифонович. У меня хранится несколько писем от него и, может быть, читателям будет небезынтересно узнать, какие отзывы, замечания, советы содержатся в этих письмах. Многие в них, как мне кажется, будут поучительно для начинающих.

В 1955 году я, после долгих колебаний, решился отправить А. Твардовскому восторженный отклик на только что опубликованные его стихи, подкрепив свой душевный порыв собственным стихотворением, в котором были такие строчки:

Творцы картин, симфоний, книг ли –

Все эти люди среди нас.

И мы настолько к ним привыкли,

Что мало ценим их подчас.

Заслуги близких не в новинку,

Теплей о предках говорим:

Как счастлив был, кто видел Глинку,

Встречался с Пушкиным, с Толстым!

Вот так, грустя над «Тихим Доном»

Иль шуткам Тёркина смеясь,

Не раз со вздохом затаённым

Потомок скажет и про нас:

Мол, были некогда счастливцы,

Кому был другом до конца

И житель Вёшенской станицы,

И автор «Книги про бойца»... [1, с. 175-176]

Я тоже мог посчитать себя счастливцем, получив вскоре ответ:

«М. 30.9.55 г. Дорогой тов. Небогатов!

Спасибо за добрые и, не сомневаюсь, искренние слова вашего письма относительно стихов в «Огоньке». Приведённые в письме стихи недурны, но я не могу о них распространяться, поскольку там и моя личность произведена в ранг «великих», что, конечно, вы сделали по доброте, молодости и... сгоряча.

С вашими другими стихами готов ознакомиться, прошу прислать.

Ваш А. Твардовский». [5]

Как показало время, не просто «по доброте, молодости и... сгоряча» ещё тогда, два добрых десятка лет назад, мой любимый поэт был «произведён» мною в ранг великих – таковым его и называют сейчас, посмертно, уже без всяких кавычек. Да и при жизни Твардовского многие считали его классиком. У Константина Ваншенкина, например, есть стихотворение «В Красной Пахре» – о посещении им тяжелобольного, уже умирающего поэта, – где прямо сказано:

Какой тяжёлый год,

Безжалостное лето,

Коль близится уход

Великого поэта...

В работе литератора всё очень сложно, вплоть до самых, казалось бы, незначительных мелочей. Чего, вроде бы, проще: отобрать из написанного тобою что-то, на твой взгляд, наиболее удачное и послать в редакцию или какому-нибудь конкретному лицу на отзыв. Однако и такой «пустяк» – не совсем простое дело: сплошь и рядом молодые литераторы допускают ошибки, отбирают совершенно не то, что следовало бы. Да только ли молодые! Бывает, что и опытный литератор – поэт ли, прозаик ли, – после выступления перед какой-то аудиторией, придя домой, досадует на себя: нет, не то прочитал, надо было что-нибудь другое, более подходящее...

Говорю это, имея в виду и собственные промашки. Посылая в следующий раз Твардовскому новые стихи, я при отборе их рассудил так: ему больше должны прийтись по душе те, в которых он почувствует что-то родственное со своей манерой и с манерой поэтического письма его земляка и старшего друга – Михаила Исаковского. Из полученного ответа нетрудно было сделать вывод: как бы ни любил какого-то большого поэта, а подражать ему не следует, ибо всякое подражание – это не что иное, как бег на месте. Ответ был кратким, но заставил призадуматься:

«3 мая 1960 г. Дорогой Михаил Александрович!

Все три стихотворения вполне, как говорится, профессиональные, их можно печатать, и то, что я их не оставляю для «Нового мира», не должно вас смущать. Хотелось бы, чтобы слишком послушное следование известным образцам (М. Исаковский и др.), некоторая сдержанность, вернее робость, – покидали вас более заметно.

Смелее, смелее – к самому себе, к тому, чего до вас не было.

Желаю на этом пути успехов.

А. Твардовский». [5]

Замечания и требования эти были абсолютно справедливыми. Начались новые поиски. Шли они главным образом в направлении содержания. Ясно было одно: надо сделать что-то такое, чего не было ни у кого другого даже в намёке, о чём ещё не писал ни один поэт. За что же взяться? Да, конечно же, за то, что пережито, перечувствовано. То есть, основой новых вещей должны стать самые твои сокровенные мысли и чувства... Одно время мне довелось работать в газете, в книжном издательстве, в радиокомитете. Было решено: напишу поэму о журналистах, никто о них как будто ещё не рассказывал – ни в стихах, ни в прозе, во всяком случае, мне не встречалось. Сюжет поэмы был взят из жизни, не придуман, казалось, что всё будет в порядке. Работалось легко, с вдохновением, потому что тема была моей родной стихией. Но – увы: на этот раз подвела форма. А какова была эта форма, читатель поймёт по ответу Твардовского:

«19 августа 1960 г. Дорогой Михаил Александрович!

Использование такой исключительно индивидуальной, с исчерпывающей полнотой прозвучавшей в классическом произведении неповторимой формы, как онегинская строфа, – дело безнадёжное. Это хорошо понимал уже М. Ю. Лермонтов, не случайно взявший в своё время эту строфу лишь для «Казначейши» – произведения особого ряда.

В дальнейшем все попытки использования этой формы «всерьёз», естественно, не имели успеха.

В наши дни эта форма своей обманчивой лёгкостью привлекает лишь наивных людей. Жаль, что и вы поддались этому соблазну. Как бы вы ни исхитрялись, всё равно ваша поэма звучит пародийно, и тем самым «серьёзное» её содержание погашается.

Советую вам воздержаться от опубликования её в печати, даже если будет такая возможность.

Не огорчайтесь, бывает.

А. Твардовский». [5]

Вот таким неожиданным образом может обернуться иной «эксперимент»! Кого-нибудь другого, менее требовательного и взыскательного, онегинская строфа могла и не смутить, а Твардовский – мастер высокого класса, тонкий ценитель поэтического искусства – не допускал ни малейшей снисходительности в таком святом для него деле, как художественная литература вообще и поэзия, в частности. Он весьма деликатно, но со всей присущей ему прямоотой высказал своё глубокое суждение, в подтексте которого можно уловить как бы напоминание: нельзя, мол, ни на минуту забывать, что, создавая что-либо, ты тем самым претендуешь на вход в тот священный храм, который гордо зовётся русской литературой, и этот храм воздвигнут не кем-нибудь, а самим Пушкиным.

«Советую вам...» Было бы непростительным легкомыслием, если бы автор поэмы, написанной онегинской неповторимой строфой, пренебрёг этим, в сущности, добрым советом. Само собой разумеется, что эта поэма была навсегда похоронена в личных архивах: слово Твардовского было для меня законом...

А теперь о самом ценном для меня письме Александра Трифоновича – отзыве на целую книжку «Моим землякам»:

«М. 28 июля 58 г. Дорогой Михаил Александрович!

Книжку вашу давно получил, но просмотреть всё не мог выбрать времени, – после назначения меня главным редактором «Н. М.» (журнала «Новый мир») моя личная почта вообще весьма запущена, т. к. время уходит на неотложные дела, на чтение того, что идёт «в номер».

Книжка производит очень симпатичное впечатление, хотя много в ней лишнего, пустякового и малоинтересного – вроде ваших «пародий» или стихов, явно «ко дню». Возможно, что мы дадим в «Н. М.» рецензию на неё. Но писать мне самому не только некогда, но отчасти и неудобно: м. б., я ошибаюсь, но мне кажется, что следы усердного чтения Твардовского на ней (книжке) заметны. Присылайте, если есть что-нибудь новое для «Н. М.».

Желаю всего доброго.

А. Твардовский». [5]

Все, кто хорошо знаком с творчеством Твардовского, с воспоминаниями о нём, знают, как скуп он был на похвалы. И его откровенные, тёплые слова «...очень симпатичное впечатление» до сих пор согревают сердце, вдохновляют на новые творческие поиски. Что касается «лишнего, пустякового и малоинтересного», то это замечание первоклассного мастера я запомнил на всю жизнь – впредь наука.

Некоторые из писем к вашему земляку опубликованы в книге «А. Твардовский. О литературе», вышедшей в свет в 1973 году в Москве (Библиотека «О времени и о себе»). Впервые в разделе «За редакторским столом» публикуется значительная часть эпистолярного наследия А. Т. Твардовского. Все материалы книги знакомят читателей с раздумьями Твардовского о традициях в творческом опыте советской литературы. И тот факт, что в эту книгу (в числе других) включены письма к автору этой статьи, наглядно подтверждает сказанное вначале: даже самые краткие замечания о тех или иных стихах, принадлежащих великому поэту, представляют определённый общественный интерес, имеют неоспоримую ценность для всех, кто любит литературу и кто сам работает в ней.

Кстати говоря, лишь теперь, после обнародования рубрики «За редакторским столом», по прошествии многих лет я узнал об одной характерной детали: о наивной и – увы – напрасной надежде напечататься в «Новом мире» тех авторов, которые ещё при жизни Твардовского считали себя его учениками. Вот выдержка из его письма к «М. П. К-ну»: «...в «Новом мире» весьма трудно появиться тому, что бывает отмечено признаком «под Твардовского»... Но как бы там ни было, уверен, что для многих авторов, которым пришлось общаться с Александром Трифоновичем хотя бы посредством переписки, его уроки не прошли даром».

Примечания:

1. Небогатов М. А. Поэт. Дневниковые записи разных лет / Сост. С. М. Небогатова. – Кемерово, 2006. – 300 с.: ил.
2. Комсомолец Кузбасса. – 1975. – 20 февраля. – С. 4.
3. Огни Кузбасса. – 1976. – № 4. – С. 90-93.
4. Твардовский А. Т. Поэмы. Стихи / Сост. М. И. Твардовская. – М.: Правда, 1987. – 448 с.
5. ГКУ КО ГАКО. Фонд № Р-1250. Оп. № 1.